

Симон, видимо, познакомился в Суздале от потомков варяга Шимона, одного из очевидцев «создания церкви Печерской».

Важное общественно-литературное значение для своего времени Киево-Печерского патерика не подлежит сомнению. В эпоху, когда центр политической жизни уже давно переместился из Киева на северо-восток, накануне татаро-монгольского нашествия, в дни ожесточенных феодальных войн авторы патерика напоминали о славном прошлом Киева, об общерусском значении Печерского монастыря и его святынь и этим поддерживали в сознании современников самую прогрессивную идею того времени — идею единства Русской земли.⁴

ЛЕТОПИСАНИЕ

Среди жанров древнерусской литературы летопись занимает центральное место. Развивался этот жанр в течение восьми веков (XI—XVIII вв.). Дошедшие до нас летописи были изданы Академией наук под общим названием «Полное собрание русских летописей», первый том которого вышел в 1841 г. [и последний — 30-й — в 1965 г. *Прим. ред.*]. Ни одна европейская литература не обладала таким количеством летописей. В основе всего древнерусского летописания лежит «Повесть временных лет», остальные летописи к ней примыкают.

Когда и где началось русское летописание? Есть основания полагать, что в первой половине XI в., в Киеве и Новгороде. На вопрос о том, кто занимался летописанием, ответить труднее, чем кажется. Дело в том, что летописцы, за немногими исключениями, не имели обычая указывать свои имена. Решая этот вопрос, приходится опираться на косвенные данные — на содержание летописи. Преимущественно, но не всегда летописанием занимались монахи, специально к этому делу приставленные и прошедшие выучку под руководством старших мастеров этого дела.

Составлялись летописи иногда по поручению князя, игумена или епископа, иногда по личной инициативе. Если летопись велась по прямому поручению того или иного князя, то она обычно носила более или менее официальный характер, отражая политическую позицию этого князя в современной ему феодальной борьбе, его политические симпатии и антипатии.

⁴ Издание текстов: Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Київ, 1931; см. также: М. А. Викторова. Киево-Печерский патерик по древним рукописям в переложении на современный русский язык. Киев, 1870. [Перевод М. А. Викторовой, заново отредактированный и проверенный И. П. Ереминым, см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., Гослитиздат, 1957, стр. 147—226; см. также: <И. П. Еремин>. Киево-Печерский патерик. — В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 338—346].

Но не следует обобщать отдельные факты, не следует преувеличивать официозный характер древнерусского летописания, как это иногда делает историческая наука, считающая, что летописец — придворный историограф, готовый написать все, что ему прикажут (теория «князя-заказчика»). В действительности же древнерусские летописцы, даже составляя свою летопись по поручению того или иного князя, отнюдь не всегда слепо шли на поводу у своего «заказчика» и нередко проявляли независимость мысли, отражая точку зрения широких народных масс на те или иные события, нередко подвергали критике действия и поступки князей, если эти действия и поступки казались им заслуживающими порицания.

В этом смысле исключительный интерес представляет заявление одного русского летописца XV в. (заявление, на которое историки древнерусского летописания не обращали должного внимания). Этот летописец просил читателя не обижаться на него за то, что он, критикуя некоторые мероприятия московского князя Василия Дмитриевича, написал нечто «несладостное» и «неулаaskanное». По словам этого летописца, писать надо правду даже в том случае, если эта правда кому-нибудь и не понравится («нелепо кому видится»). В доказательство своей мысли, как на высокий пример того, как надо писать летопись, автор этого заявления сослался на «Повесть временных лет», древнейшую русскую летопись, на ее составителя «великаго Селивестра Выдобыжскаго» (Выдубицкого), который всегда писал «вся добраа и недобраа», «не украшая пишуцаго» (т. е. исторической действительности).⁵

Вот эту черту древнерусского летописца — его стремление писать правду, «не украшая пишуцаго», «вся добраа и недобраа» — гениально подметил и воссоздал А. С. Пушкин в образе летописца Пимена. Пимен предстает перед читателем как человек и патриот, которому доступно все: и жалость, и гнев, который отнюдь не «равнодушно» внимает «добру и злу». За внешним спокойствием Пимена таятся глубокие страсти, горячая любовь к родине, четкое понимание того, где «правые» и где «виновные». Сущность пушкинского Пимена предельно отчетливо вырисовывается в заключительном монологе Григория («Отшельник в темной келье» здесь на царя Бориса «донос ужасный пишет»). Пушкинский Пимен — выразитель общественного, «народного» мнения; он олицетворяет собой народный суд над царем Борисом. Думается, что Пушкин, так понимая образ древнерусского летописца, во много раз ближе к истине, чем отдельные исследователи, в свое время с большим шумом опротестовавшие этот образ и противопоставившие ему другой образ — хитрого дипломата и политикана («придворного

⁵ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 211.

историка»), выполняющего заказ «политической канцелярии» своего князя-покровителя. Пушкин отметил действительно одну из наиболее характерных черт облика древнерусского летописца.

«Повеспѣ временныхъ летъ»

Древнейшая русская летопись носит в науке название «Повесть временных лет». В оригинале она имеет несколько иное заглавие, более пространное: «Се повести времяныхъ лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Дошла до нас «Повесть временных лет» в рукописных копиях не старше XIV в. Из этих копий наиболее замечательны две: рукописный пергаменный сборник 1377 г. — хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (сборник этот в науке условно называется Лаврентьевской летописью) — и рукописный сборник начала XV в. — хранится в Библиотеке Академии наук СССР (этот сборник в науке условно называется летописью Ипатьевской).

Начинается «Повесть временных лет» с рассказа о том, «откуда есть пошла Руская земля...», и доводит изложение исторических событий до 1113 г.

Летопись Лаврентьевская названа так по имени ее писца — монаха Лаврентия, который переписал ее для суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 г. Сведения эти мы узнаем из записи Лаврентия в конце переписанной им рукописи. Запись эта, кстати сказать, очень колоритна: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед. Также радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, — также и аз худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних... И ныне, господа, отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, — чтите, исправливая бога деля, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел...».⁶

Лаврентьевская летопись — сборник, в состав которого вошли два произведения: «Повесть временных лет» и так называемая Суздальская летопись, доведенная до 1305 г.

Ипатьевская летопись называется так по бывшему месту своего хранения — Ипатьевскому монастырю в Костроме. Переписана была эта летопись в начале XV в. в Пскове, но с южно-русского оригинала. Подобно летописи Лаврентьевской, Ипатьевская летопись также представляет собой сборник. В состав этого сборника входят следующие произведения: «Повесть временных лет», так называемая Киевская летопись, доводящая

⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 487—488.

изложение до 1201 г., и летопись Галицко-Волынская, охватывающая период с 1201 по 1292 г.

Главное различие между обоими списками «Повести» — в ее конце. Лаврентьевская летопись доводит изложение до 1110 г. и заканчивается рассказом о чудесном явлении 11 февраля 1110 г. огненного столпа над Печерским монастырем. Рассказ этот, однако, обрывается на полуслове. В Ипатьевском списке рассказ о явлении огненного столпа над Печерским монастырем закончен; за ним следуют еще несколько сказаний — под 1111, 1112, 1113 гг. и т. д. «Повесть временных лет» переходит в летопись Киевскую, причем неясно, где кончается «Повесть временных лет» и где начинается летопись Киевская. Не разъясняют этого вопроса и другие списки «Повести временных лет».

Изучение «Повести временных лет» началось в XVIII в. По единодушному мнению всех исследователей, Лаврентьевский список «Повести» является лучшим, он наиболее близок к первоначальному виду. Внимание исследователей привлекла запись игумена Сильвестра в Лаврентьевском списке: «Игумен Силвестр... написах книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 индикта 9 лета...» (т. е. в 1116 г.).⁷

Как прежде всего понимать эту запись? Как понимать эти его слова: «написах книги си летописець»? Составил или только переписал «Повесть временных лет» игумен Сильвестр? В 1116 г. была составлена «Повесть» или раньше? Были ли у Сильвестра предшественники или не были? Как согласовать запись Сильвестра с заглавием «Повести» в одном из списков, воспроизводящих Ипатьевскую летопись, — в Хлебниковском списке: «Повесть временных лет Нестера черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго...»?⁸ Каково участие в составлении «Повести» Нестора?

Вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия. Был высказан ряд гипотез, на двух из которых остановимся подробнее.

Свою гипотезу акад. А. А. Шахматов подробно обосновал в следующих работах: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» и «Повесть временных лет».⁹ Гипотеза А. А. Шахматова может быть сведена вкратце к следующим четырем тезисам:

1) «Повесть временных лет» была не составлена, а только переработана игуменом Сильвестром;

⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 286.

⁸ ПСРЛ, т. II. СПб., 1902, стлб. 2.

⁹ А. А. Шахматов: 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2) Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916 (Летопись занятий Археографической комиссии за 1916 г. Пг., 1917).

2) «Повесть» — сложное литературное сооружение, над созданием которого работало не одно поколение летописцев;

3) к созданию ее приступили уже в XI в.;

4) в том виде, в каком «Повесть» известна нам, она представляет собой свод нескольких не дошедших до нас летописей XI — начала XII вв.

Возникновение летописания в Киеве А. А. Шахматов относит к первой половине XI в. и связывает с учреждением в Киеве греческой митрополии и постройкой соборного храма св. Софии. Первая русская летопись, по Шахматову, была составлена в Киеве при митрополичьей кафедре св. Софии в 1039 г. Этот «Древнейший киевский свод» 1039 г. начинался с рассказа об основании города Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом — и доводил изложение до 1037 г., заканчиваясь прославлением князя Ярослава как просветителя Руси. Образцом для свода и вместе с тем источником для него послужила болгарская летопись. В 1073 г. была, по Шахматову, составлена новая летопись в Киево-Печерском монастыре. В основу этого «Киево-Печерского свода» 1073 г. легла летопись 1039 г., дополненная новыми известиями и продолженная до 1073 г. включительно. Составленный в Печерском монастыре, свод этот, естественно, большое внимание уделил истории Печерской обители и характеристике ее деятелей. В 1095 г. этот «Киево-Печерский свод» был продолжен до 90-х годов XI в. и дополнен известиями, заимствованными из местных летописей — Новгорода, Чернигова и, быть может, других городов. Переработку эту Шахматов назвал «Начальным сводом». Это был первый общерусский свод, излагавший события не одного только Киевского княжества, но всей Руси. «Начальный свод» 1095 г. и лег, по мнению Шахматова, в основу «Повести временных лет».

«Повесть временных лет» была составлена в 1112 г., еще при жизни великого князя Святополка. Автором ее был Нестор, монах Киево-Печерского монастыря. Свое изложение Нестор довел до 1111 г., посвятив последние страницы своего труда деятельности князя Святополка, описанию его бранных подвигов и характеристике его благочестия. 16 апреля 1113 г. князь Святополк умер, и на киевский стол сел Владимир Мономах, старый политический враг Святополка. Новый князь, естественно, не мог не обратить внимания на составленную Нестором «Повесть временных лет». «Необходимо было, — пишет Шахматов, — восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении; политический интерес требовал изъятия из обращения многих частей киево-печерского летописца; возможно, что у Мономаха явилась мысль о совершенном устранении „Повести временных лет“». Мономах передал «Повесть временных лет» на просмотр и переделку игумену семейного Выдубицкого монастыря Сильвестру. Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г., как о том свидетельствует его

запись в Лаврентьевском списке «Повести». Как и следовало ожидать, Сильвестр, переделывая труд своего предшественника, отодвинул личность князя Святополка в тень, выдвинув на первый план Владимира Мономаха. Так, по Шахматову, возникла в 1116 г. вторая редакция «Повести временных лет».

«Переход княжеского летописания в другой монастырь (Выдубицкий) не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло...: все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха».¹⁰ Желая снова взять в свои руки дело княжеского летописания, киево-печерская братия поручила одному из своих «книжников» составить новую редакцию «Повести временных лет» в похвалу Владимиру Мономаху. Работа эта была выполнена в 1118 г. Так, по Шахматову, возникла третья редакция «Повести временных лет», доведенная до 1117 г. и лучше всего сохранившаяся в Ипатьевском списке «Повести».

Вот как представлял себе Шахматов «творческую историю» «Повести временных лет». Она «строилась», «созидалась» около 80 лет, с 1039 по 1118 г.; не менее пяти раз подвергалась коренной переработке, пока не приняла тот вид, в каком мы ее теперь знаем по спискам Лаврентьевскому, Ипатьевскому и др.

Другая гипотеза принадлежит акад. В. М. Истрину.¹¹ В 30—40-х годах XI в. в Киеве переводчиками Ярослава при митрополичьей кафедре св. Софии была переведена на славяно-русский язык греческая «Хроника» Георгия Амартола (IX в.). «Хроника» эта ввиду большого объема и обилия в ней богословских рассуждений вскоре была переработана каким-то неизвестным древнерусским книжником, частью сокращена, частью дополнена данными, заимствованными из других источников. Эта переработка стала распространяться в многочисленных рукописных копиях под заглавием «Хронограф по великому изложению», т. е. по полному переводу «Хроники» Георгия Амартола.

Вскоре, а может быть еще в процессе перевода, этот компилятивный «Хронограф по великому изложению» был дополнен рассказами из русской истории. Русская история излагалась в «Хронографе» частью по устным преданиям, частью по письменным источникам. В нем уже были сказания о призвании князей, о походах Олега и Игоря, о крещении Владимира.

¹⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть, стр. XVII.

¹¹ В. М. Истрин: 1) Начало русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова о древнерусской летописи. — «Начала», Пг., 1922, № 2, стр. 43—46; 2) Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, стр. 45—102; т. XXVII, 1924, стр. 207—251.

Летопись была доведена до 1054 г. Это была первая редакция «Повести временных лет», она и носила название «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля...». Она имела тот самый вид, в котором сохранилась в списках Лаврентьевском и Ипатьевском до 1054 г., но без общего вступления и без «Сказания о начале Печерского монастыря» под 1051 г. Дальнейшая история «Повести временных лет» в течение XI в. состояла в простом продолжении последующих событий. «Продолжатели» не вносили ничего, кроме ничтожных добавлений, в предшествующий текст, который переписывался без редакционных изменений.

В начале XII в., тотчас после смерти Святополка в 1113 г., первая редакция «Повести временных лет» со всеми ее дополнениями была вновь продолжена до смерти Святополка включительно. Автором ее был Нестор, который добавил к ней обширное введение. Так появилась вторая редакция «Повести временных лет», сохранившаяся почти в полном и цельном виде (без случайно исчезнувшего конца) в Лаврентьевском списке.

Труд Нестора в 1116 г. был переписан дословно, без всяких редакторских переделок, Сильвестром, который поставил свое имя как переписчик.

Итак, по мнению В. М. Истрина, «Повесть временных лет» в том виде, в каком мы ее теперь знаем по спискам, была составлена в два приема: первая редакция «Повести» относится к 1054 г., а вторая и последняя — к 1113 г.

Как видите, мнения расходятся. Которая же из этих двух гипотез — Шахматова или Истрина — ближе к действительности?

По мнению большинства историков древнерусской литературы — гипотеза А. А. Шахматова. Ее полностью принял, уточнив в деталях, М. Д. Приселков, автор «Истории русского летописания XI—XV вв.»;¹² она легла в основу академической «Истории русской литературы».¹³ Что касается меня, то — скажу честно — не знаю, которая из этих двух гипотез ближе к истине. Очень возможно — ни та, ни другая. Вопрос, по моему, требует дополнительного исследования. Безоговорочно прикнуть к А. А. Шахматову или к В. М. Истрину я, во всяком случае, не могу. В их построениях многое спорно.

В древней Руси летопись была основным источником сведений о прошлом Русской земли. Неудивительно, что она, выйдя за пределы монастырской кельи, где писалась, очень скоро становилась важным историко-политическим документом, которым пользовались для справок, для решения того или иного спорного политического вопроса текущей современности.

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

¹³ История русской литературы, т. I, стр. 257—288.

Содержание летописи — история, история Русской земли, преимущественно политическая. Писалась она с целью оставить потомству воспоминание о прошлом, рассказать о том, что было, об исторических событиях своего времени.

Летопись, однако, не только документ, но и книга, преследующая и другую — морально-политическую задачу: показать на ряде примеров — в рамках рассказа о прошлом — как надо и как не надо поступать. Летопись — книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу.

Обычно летописец создавал свою летопись в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей; что они не только найдут в ней необходимую для себя моральную поддержку, но и воспользуются ее уроками как руководством к действию, как учебником поведения в практике своей повседневной государственной деятельности.

Вкратце напомним концепцию русской истории древнего летописца — лучшего зеркала его политического мировоззрения.

«Повести временных лет» летописец предпослал небольшой рассказ о происхождении Русской земли. Рассказ этот — наименее оригинальная часть «Повести». Уже давно установлена его текстуальная зависимость от византийских хроник. Заимствован, однако, не только текст в начале рассказа, заимствована и лежащая в основе всего рассказа концепция. Летописец, излагая известные ему предания о начале Русской земли, следовал уже готовой историографической схеме, подсказанной ему теми же хрониками.

Рассказ начинается с изложения предания о разделении Ноем после потопа земли между своими тремя сыновьями — Симом, Хамом и Афетом. Восток достался Симу, юг — Хаму, «полунощныя страны и западныя» — Афету. После вавилонского столпотворения бог разделил единый народ на 70 и 2 «языка» (народа) и рассеял их по лицу земли: сыновья Сима направились в «восточные страны»; сыновья Хама — в страны «полуденныя» (на юг); сыновья Афета — на запад и в «полунощныя страны». Среди этих народов были славяне. «От племени Афетова» они направились в Иллирию, откуда переселились на побережье Дуная. Здесь они стали постепенно расселяться и распадаться на самостоятельные славянские племена. В истории этого расселения летописец видит два основных этапа: до нашествия «волохов» на славян и после него. После нашествия «волохов» от дунайских славян отделились «ляхи», которые сели на Висле, поляне и древляне — на Днепре, дреговичи — между Припятью и Двиною, полочане — на Двине, словене — около озера Ильмень. Появились различные славянские языки. «Русская земля» (т. е. поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, северяне и, очевидно, остальные русские племена)

пошла от славян дунайских в результате нашествия «волохов» и второго расселения славян.

Рассказ о происхождении славянских племен свидетельствует о том, что эта историографическая схема представляла для летописца большой интерес. В ее всемирно-историческом аспекте истинное единство русского народа — родство русских племен между собой и родство с другими славянскими племенами, родство по происхождению, по крови, по языку, по связывающим всех славян культурным традициям — приобретало для летописца значение непреложного исторического факта.

К рассказу о происхождении русского народа примыкает рассказ о Русской земле до образования державы Рюриковичей.

Осевшие на Русской земле племена занимали принадлежащую им ныне территорию уже в I в. н. э. Жили русские племена каждое «особе», соблюдая «обычай свои и закон отец своих и преданья, — кождо свой нрав»; имели своих местных князей. Сперва жили мирно, но потом стали обижать друг друга; в конце концов почти все они утратили независимость: напали на них чужеземцы и потребовали дани — земля Русская принуждена была подчиниться насилию. Стали платить дань хозарам и варягам.

В 862 г. северные русские и нерусские племена изгнали варягов за море, не давали им дани и «почаша сами в себе володети». Однако эти племена не сумели установить у себя «наряда»: начались междоусобицы, стали они воевать друг с другом. Тогда словене, чюдь и кривичи призвали к себе на княжение трех братьев от варяжского племени русь — Рюрика, Синеуса и Трувора. Рюрик сел в Новгороде, Синеус — на Беле-озере, Трувор — в Изборске.

«Предыстория» Русской земли закончилась, началась, по концепции летописца, ее история: возникла новая династия русских князей, единая для всей Руси.

Варяжское, неславянское происхождение этой династии летописца не смущало. Для него было существенно только то, что династия эта — исконно княжеского рода. Но этот вопрос стал беспокоить историков начиная с XVII в. В 1674 г. в Киеве был издан «Синописис; или Краткое собрание от разных летописцев, о начале словяно-российского народа. . .», в котором варяги были объявлены словенами.

По летописцу, историческая миссия Рюриковичей заключалась прежде всего в том, чтобы освободить русские племена от чужеземного гнета. Рюриковичи в первую очередь занялись хозарами: Олег в 884 и 885 гг. освободил от хозарского ига северян и радимичей; Святослав в 964 г. — вятичей; поляне были освобождены уже в 862 г. Аскольдом и Диром, боярами Рюрика.

Одновременно Рюриковичи поставили себе задачу — объединение Русской земли под своей властью, что и было ими выполнено в масштабах, превзошедших самые смелые ожидания: Рюрик за семнадцать лет своего княжения успел подчинить своей

власти почти всю северную окраину Русской земли; Олег покорил Смоленск, Любеч и, видимо, Чернигов, даже сама «мать городов русских» — Киев покорился ему. Политическое объединение Русской земли завершили Владимир и Ярослав.

В борьбе за независимость Русской земли Рюриковичи восстановили ее исконное единство; чтобы показать это, летописец и предпослал своему изложению рассказ о происхождении русского народа; Рюриковичи дали Русской земле «наряд», они положили конец межплеменной «усобице», обеспечив Русской земле «мир» и «тишину».

Когда летописец писал свою «Повесть», эта Русская земля была уже в прошлом: старая, дофеодальная Русь уступила свое место новой — феодальной. С недоумением, горечью и тревогой присматривался летописец к тому, как рушились дорогие ему устои старого политического порядка, как губили Русь феодальные войны, как нависала над страной половецкая опасность. Все это наводило летописца на самые печальные размышления; казалось, что «отцы» и «деды» трудились напрасно.

Политическая программа летописца сводится по существу к одной идее: необходимо предотвратить грозящую Русской земле катастрофу, восстановить былое самовластье старейшего в роде киевского князя, любой ценой предохранить от распада, пока еще не поздно, политическое единство Русской земли. Задачу эту должны взять на себя князья, которые своими усобицами расшатали это единство. Они добьются этого, если будут жить, как раньше, по старинке, в мире и любви, если всегда будут помогать друг другу и Русской земле. Основную свою надежду летописец возлагал на нравственное перевоспитание князей.

Политическая программа летописца делает невероятным утверждение, что «Повесть» была написана по настоянию Владимира Мономаха. Невероятным кажется, что в «политической канцелярии» Мономаха и по его заказу могла быть составлена эта летопись: до такой степени по своему содержанию, по своим политическим симпатиям и антипатиям, по всему своему политическому мировоззрению не соответствует она задачам «княжеской», официальной историографии.

Решительному пересмотру подлежит и самый образ летописца, утвердившийся в нашей науке, — многоопытного литератора, чиновника «политической канцелярии» князя, послушного исполнителя его поручений по части идеологической «обработки» общественного мнения. Действительный летописец ничего общего с ним не имеет; он неизмеримо проще, не так хитер, он гораздо ближе к пушкинскому Пимену; «не мудрствуя лукаво», правдиво описал он все, что знал, что считал необходимым рассказать; в политической борьбе того времени он занимал свою независимую позицию. Это, несомненно, монах Печерского монастыря, самого демократического в Киеве по составу братии. Он написал свою «Повесть» по собственной инициативе — как выразитель об-

щественного мнения, мнения земли Русской, без чьего-либо наказания.

В многочисленных отступлениях летописец касался иногда и вопросов общего, «философского» характера — о добре и зле, их происхождении. Для него, моралиста, эта тенденция — свести к этике всю «философию истории» — естественна, закономерна.

В центре внимания летописца проблема зла. Источник зла в мире — диавол, сатана. О нем летописец говорит дважды — устами греческого философа и Яна Вышатича. Греческий философ так поясняет князю Владимиру появление в мире диавола: когда бог создал небо и землю, один из ангелов, «старейшина чину ангелску», сказал: «Сойду на землю и буду во всем подобен богу». И бог сверг его за это с неба. Звали этого гордого ангела Сотонаил. То же примерно сообщает и Ян в полемике с белозерскими волхвами: сатана — ангел, которого бог «за величанье» низверг с небес в «бездну».

Слуги диавола — бесы, в реальности которых летописец не сомневался. Бесы изменяют свой облик, когда они являются людям; бес может предстать человеку, смотря по обстоятельствам, и в образе ангела, и в образе зверя, и в образе «ляха» и т. д. Основное назначение бесов — сеять зло по указанию диавола. Человек не творит зла, пока его бес не «прелстит», пока он не начнет «играть» человеком. Бывает, что жертвой бесов становятся не только отдельные люди, но и целые города, например, сообщает летописец, Полоцк в 1092 г. Нападению бесов подвержены и мужчины, и женщины, женщины в особенности.

«Злые люди» выполняют у летописца ту же роль, что и бесы. Это люди, злые по самой своей природе, например Святополк Окаянный или Всеслав Полоцкий. С точки зрения летописца, они даже опаснее бесов, так как бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни человека не стыдится.

Первоисточник зла, следовательно, — диавол и его слуги, бесы.

Источник добра в мире — бог и слуги его: ангелы и святые, т. е. люди, добрые по самой своей природе. Ангелы невидимы. Они показывают человеку только «нечто мало виденья своего», являясь то столпом огненным, то пламенем, «ово инаким виденьем». Ангел приставлен к каждому человеку. Назначение его — влагать добрый помысел в человека, оберегать его от бесовских искушений, молиться за него, заступаться за него перед богом. Ангелы влагают добрые помыслы в сердце человека непосредственно и через добрых «советников»; советники эти у летописца — или реальные люди, или абстрактные персонификации. Добрые и злые помыслы возникают в сердце человека не изнутри, но всегда от толчка извне: зло — от «наущенья» бесовского, добро — от «ученья» ангельского.

Дьявол, первопричина всяческого зла, отнюдь не равноправен богу. Власть его временна и ограничена пределами, установленными богом. Ограничена и власть бесов над человеком. Бог один ведает помыслами человеческими, бесы немощны, они получают известную власть над человеком только потому, что бог предоставил им эту власть. Бог допустил зло — в известных пределах — сознательно, преследуя вполне определенную цель: искутить, проверить человека, испытать его твердость в вере, закалить его в борьбе со злом. Цель эта достижима только при одном условии — если человеку будет предоставлено право выбора между добром и злом. Признание за человеком свободы воли и связанная с этим признанием идея ответственности человека за свои поступки — основа этики летописца.

Бог в изображении летописца — моралист; он все устроил так, а не иначе из воспитательных соображений. Бог полностью сохранил за собой право общего руководства человеком и его поступками. Тех, кто исполняет законы бога, ждут награды; тех, кто не исполняет, — наказание. Рассказ о преступлении предшествует всегда у летописца рассказу о каре. Вознаграждает и карает человека обычно не сам бог, а его слуги — ангелы. Они несут человеку не только помощь, но и несчастье, если так им повелит бог. Ангелы карают по повелению божью не только человека, но и целые города и народы; карают даже людей «без вины виноватых» — злых по природе, в силу роковых обстоятельств своего рождения. Всякая казнь — кара за грехи, это палка, «батог», при помощи которого бог наказывает ослушников. Любая казнь, ниспосланная богом на человека, справедлива. Вера в справедливость казней божьих — источник утешения для летописца. Бог терпелив, сурово наказывает он только упорных во грехе. Своевременным покаянием, молитвою «со вздыханьем» человек может умиловать бога и отвести его карающую руку, так как бог «не хочет зла человеком, но блага».

Человек — субъект и объект исторического процесса. В нем и конечная цель исторического процесса. Исторический процесс — проявление божественной воли. Это типично средневековая концепция.

Характер изложения исторических событий в «Повести временных лет» свидетельствует о том, что «философские» фрагменты летописца — не механический привесок к повествованию: они действительно отражают его миропонимание.

В «Повести» почти каждый рассказ начинается с «голой» регистрации фактов: «Иде Олег на греки, Игоря оставив Киеве...», «Иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский...» и т. д. «Повесть» напоминает современный приключенческий фильм: действие в разгаре, герои мечутся, но зачем и почему — неясно, если попадаешь на него не в начале, а когда действие уже

развернулось. Этот способ изложения находит свою параллель и в языке «Повести», где наблюдаем почти полное отсутствие пояснительных союзов, выражающих причинные связи, и где чередование простых предложений, чаще всего связанных союзом «и», — основной закон синтаксической организации речи.

Как правило, летописец просто регистрировал события, факт за фактом, иногда сопровождая их регистрацию своей морально-политической оценкой. А когда они поражали его воображение своей грандиозностью и требовали объяснения, он ссылался на величие бога, на божественную волю.

Природа такого способа изложения ясна: перед нами ряд фактов, выпавших из своего реального причинно-следственного контекста, — в этом одно из характерных проявлений допрагматического исторического мышления летописца. Выпадение исторических событий в сознании летописца — и в его изложении — из реального причинно-следственного контекста привело к тому, что основной категорией, в аспекте которой он мог и должен был рассматривать эти события, стало время. Прошлое и настоящее в сознании летописца распались на ряд фактов, никак не связанных между собой; только время, его течение соединили эти разрозненные звенья.

«Погодный» принцип изложения исторических событий для летописца не случаен; он свидетельствует о закономерной тенденции летописца внести известный порядок в поток подлежащих его обзору фактов, прикрепить каждый из этих фактов к определенной единице времени. Большую услугу оказала ему существовавшая в его эпоху система летосчисления — от сотворения мира. Благодаря этой системе летосчисления каждый летописный факт смог найти свое место, зыбкие «до» и «после» получили свои четкие границы.

Погодный принцип повествования привел в результате к тому, что мир, и без того дробный в сознании летописца, в его изображении стал еще более дробным. Прошлое предстало как простой ряд единичных фактов; каждый элемент этого ряда принял характерную для летописца форму *фрагмента*.

Погодный принцип композиции вывел на поверхность летописного повествования его порою глубокие внутренние противоречия. Противоречие закономерно возникало каждый раз, когда фрагменты одного повествовательного ряда получали у летописца неодинаковую оценку: «зло» одного фрагмента повествования могло стать у летописца «добром» в другом фрагменте того же ряда, — но только в *свое* время и никогда *одновременно*.

Фрагментарность и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования — особенности, определяющие всю структуру «Повести временных лет» как памятника литературы.

Решающую роль в конкретном литературном оформлении летописного повествования сыграли две традиции: народно-эпи-

ческая и агиографическая. Обе эти традиции и определили стилистический строй повествования.

Народно-эпический план рассказа — система повествования, характеризующаяся своими, только ей присущими традиционными особенностями художественного изображения. Отрицательный герой, попадая в этот план, обычно приобретал у летописца черты, сближающие его с эпическими великанами или чудовищами; положительный герой приобретал характер эпического богатыря.

Летописные биографии Олега и Святослава — единственные в «Повести» биографии, последовательно выдержанные в эпическом плане. Олег у летописца всех побеждает, никто не оказывает ему сопротивления, он мудрый и «вещий». Биография Святослава напоминает биографию Олега: Святослав прежде всего воин; он тоже с легкостью побеждает всех врагов своих, с презрением отворачивается от «злата» и драгоценных тканей, принимает в дар только оружие.

В агиографическом плане более или менее последовательно от начала до конца выдержаны биографии Бориса и Глеба, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, Святополка Окаянного и Олега Святославича. Эти биографии приобретают характер житий. Борису и Глебу в летописном рассказе о их «блаженной» кончине противопоставлен властолюбец и братоубийца Святополк Окаянный, который тоже последовательно изображен у летописца в агиографическом плане трафаретного «злодея».

Биографии Олега, Святослава, Бориса и Глеба, Всеволода Ярославича, Мономаха, Олега Святославича — биографии, выдержанные в рамках одного и того же стилистического плана. Такая однотипность повествования для летописца, однако, не была нормой; она не исключала возможности и совсем иного способа повествования — перехода от одного плана к другому, даже в пределах одного и того же повествовательного ряда. Такой способ повествования лишал героя единства характера: в результате перевода его из одной системы показа в другую он у летописца «расщеплялся», приобретал своего двойника. Эта черта свидетельствует не только о своеобразии, но и о глубоком архаизме летописного повествовательного стиля.

Летописные биографии Ольги, Владимира — крестителя Руси, Мстислава Тмутараканского показывают, что этому «расщеплению» нередко подвергались под пером летописца даже те герои повествования, все эпизоды (фрагменты) деятельности которых получали у него в основном однородную, подчеркнута положительную оценку.

Когда эпизоды деятельности героя вызвали неодинаковую оценку летописца, одни — положительную, другие — отрицательную, «расщепление» героя принимало особенно бурный характер: герой и его двойник попадали в положение, исключающее для них всякую возможность «мирного сосуществования»

в пределах своего повествовательного ряда, они стали взаимоотношать один другого. Но летописца это никогда не смущало, для него это было естественно.

Типичным примером такого «расщепления» героя у летописца может служить один эпизод из биографии Всеслава Полоцкого, легендарного князя-оборотня, политического авантюриста, «не милостивого на кровопролитье». В 1068 г., рассказывает летописец, киевляне «высекоша» Всеслава из «поруба», в который посадил его киевский князь Изяслав Ярославич, обманом заманив его к себе год назад, и Всеслав сел в Киеве. «Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав целовав крест», — писал летописец и, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, временно перевел Всеслава-«злодея» в агиографический план. «В день бо Въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: „О кресте честный! понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего”». Всеслав здесь, в этом эпизоде своей биографии, — орудие божественного возмездия Изяславу, «живой» укор князьям, преступившим «крестное целование». С образом Святослава Ярославича происходит то же самое. На Русскую землю напали половцы. Жадный узурпатор, хвастающийся награбленным богатством, глубоко антипатичный летописцу, Святослав Ярославич, как и Всеслав Полоцкий, превратился у него на «час» в эпического героя, почти богатыря, чтобы затем снова вернуться, когда порученная ему задача — одержание победы над половцами — будет выполнена, к прежнему своему образу.

Герой мог «перевоплощаться» у летописца и неоднократно. Ярослав Мудрый — типичный пример такого героя-«хамелеона»; его летописная биография — цепь сплошных «метаморфоз» (он «перевоплощался» три раза).

Герой мог, раз попав в тот или иной план повествования, приняв «новый» для себя образ, в этом образе и остаться. Примером служат биографии Изяслава Ярославича и сына его Святополка. Свой очерк деятельности Изяслава Ярославича летописец начал с рассказа о том, как этот князь дважды вероломно нарушил данное им слово. Этого Изяслава, вероломного и жестокого, уже под 1073 г. стал у летописца решительно вытеснять его агиографический двойник. Трафаретный «злодей» с 1078 г. превращается в святого. Кажется, что писали его биографию не один человек, а два.

Рассказ летописца о смерти Ярополка Святославича (под 980 г.) — типичный пример деформации содержания под давлением стиля. «Аномалия» летописного рассказа о смерти Ярополка Святославича заключается не в том, что Ярополк, как и его брат Олег, гибнет — и тоже косвенно — от руки родного брата, а в том, что Ярополк гибнет у летописца не так, как мы вправе были бы этого ожидать, судя по тяжести его злодеяния. Известно, как жестоко покарал летописец Святополка Окаянного за аналогичный грех — за уособицу и братоубийство. Ярополк же за

свой грех заслужил не «казнь», а «награду»: он, первый на Руси бросивший в братию свою «ножь» раздора, погибает у летописца не как герой отрицательный, а как положительный, как «мученик-страстотерпец». Подобно всем мученикам, он покорно идет навстречу смерти. Объясняется этот неожиданный поворот в летописной судьбе Ярополка тем, что Ярополк у летописца в заключительном эпизоде своей биографии попал в другой повествовательный ряд — в летописное житие другого князя, Владимира. Поэтому он разделил судьбу героев нового повествовательного ряда — отсюда и «мученический» характер кончины Ярополка, его агиографическое «преображение».

Агиографический метод в руках летописца и стоявших за его спиной княжеских группировок не раз служил оружием политической борьбы — оружием тем более мощным, что летописец с его помощью свою оценку поведения того или иного князя или события переводил в морально-религиозную плоскость.

Вот пример, который наглядно покажет вам, как иногда пользовались летописцы этим оружием. В 1147 г. в Киеве был убит черниговский князь Игорь Ольгович. Черниговские князья, чтобы отомстить киевскому князю Изяславу Мстиславичу за смерть брата, объявили Игоря святым и поручили составить рассказ о его мученической кончине. Игорь в этом рассказе приобрел очертания Бориса, Изяслав — Святополка Окаянного. Рассказ этот — он получил широкое распространение — нанес Изяславу Мстиславичу удар такой сокрушительной силы, от которого он не скоро оправился. Ему пришлось специально доказывать свою непричастность к убийству Игоря Ольговича.

Все эти материалы дают основание сделать общие выводы. Противоречия в образе того или иного героя летописного повествования, очень возможно, отражают реальные противоречия его характера, но отражают их частично, в пределах, доступных для художественного метода летописца. Литературный портрет реального человека — задача, непосильная для летописца, это уже достижение литературы нового времени. Человек у летописца всегда однолинеен, т. е. одновременно быть и «добрым», и «злым» он не может. Человек у летописца всегда статичен, несмотря на внешнюю свою подвижность. Герой обычно является «живым» носителем той или иной морально-политической сентенции летописца.

Эти особенности летописного человека — прямое отражение стиля летописца. Здесь своя система художественного воспроизведения действительности, особое литературное мышление, которое нельзя рассматривать сквозь призму современного художественного мышления.

Стиль этот в древнерусской литературе имел свою многовековую историю. В силу особых обстоятельств исторического развития древнерусской литературы он дожил до XVII в., когда под напором новых исторических факторов он стал распадаться и в

конце концов был совсем отодвинут в сторону новыми системами художественного изображения. Рецидивы этого стиля можно проследить и в литературе нового времени, так как в искусстве ничто не исчезает бесследно. Эта работа, к сожалению, еще не проделана.

Формы летописного повествования

Весь повествовательный летописный материал, по моим наблюдениям, относительно четко делится на пять групп: 1) погодная запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 5) документы из княжеских архивов: договоры, уставные грамоты (эта группа литературного значения не имеет).

Погодная запись — древнейшая форма летописного повествования. По объему погодная запись невелика. Предельная краткость изложения — наиболее характерный ее внешний признак. Погодная запись вводится в повествование обычно традиционной формулой: «В лето 6505», «В лето 6506» и т. д.; если погодные известия читаются подряд под одним и тем же годом, то отделяются одно от другого формулами: «Того же лета», «Сего же лета», «В то же время», «Тогда же», «Потом же» и пр.

У погодной записи своя особая сфера повествования: она регистрирует смерть того или иного князя, митрополита, игумена; рождение у князя сына или дочери, основание церкви, те или иные стихийные бедствия: пожары, засуху, землетрясения, половодья и пр.; те или иные явления природы: солнечное затмение, появление кометы; отмечает погодная запись и отдельные политические события (военные походы князей), но значительно реже. Как правило, сфера погодных известий — единичные факты, интересные с точки зрения летописца и заслуживающие упоминания, но не требующие подробного изложения в форме развернутого рассказа.

Основное литературное качество погодного известия — документальность. Видно, что летописец озабочен только одним: возможно точнее и короче зарегистрировать определенный факт, не входя в подробности, или просто ненужные, или ему неизвестные. Отсюда характерная протокольность изложения, фактографичность (точно указывается дата события, не только год, но часто и месяц, и день; место происшествия; обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица — по именам).

В стилистическом отношении погодная запись аморфна, она совершенно лишена художественной формы и эмоциональности. Приведу примеры погодных записей в «Повести временных лет». Под 911 г.: «Явися звезда велика на западе копейным образом». Под 966 г.: «Вятичи победи Святослав и дань на них възложи».

Под 973 г.: «Нача княжити Ярополк». Под 1001 г.: «Преставися Изяслав, отець Брячиславль, сын Володимерь». Под 1017 г.: «Ярослав иде в Киев, и погоре церкви». Под 1028 г.: «Знаменьє змиево явися на небеси, яко видети всей земли». Под 1029 г.: «Мирно бысть». Под 1124 г.: «Земля потрясєся мало, и падеся церкви великия святаго Михаила у Переяславли, мая в 10 день, юже бе създал и украсил блаженный епископ Ефрем».

Летописное сказание — устно-поэтического происхождения, и в этом его основное литературное качество. Сказание — устное историческое предание в «книжной», литературной переработке летописца. К этой форме повествования летописец обычно прибегал, когда у него под руками не было более достоверного материала. Вот почему сказание и занимает в «Повести временных лет» такое большое место в той ее части, где излагаются события, летописцу несовременные, события далекого прошлого — X, IX вв. и более ранние.

Излагая эти события, летописец мог опереться только на один основной источник — на устное историческое предание, отбирая из него то, что казалось ему заслуживающим внимания.

Устно-поэтическое происхождение ряда летописных сказаний «Повести» не подлежит сомнению. Предания об основании Киева, о призвании князей, о взятии Олегом Царьграда, о смерти Олега, о походах Игоря на Грецию, о смерти Игоря и мести Ольги древлянам, о князе Святославе, о Владимире и пр. — все они обнаруживают свое явно устное поэтическое происхождение, быть может, даже песенное.

Олег у летописца с легкостью, типичной для сказочного героя, преодолевает все препятствия на своем пути: он без боя берет Смоленск, Любеч; хитростью овладевает Киевом; не встречая никакого сопротивления, побеждает древлян, северян и радимичей; идет походом на Царьград — греки не оказывают ему никакого сопротивления; Олег запугивает их хитростью (к ладьям он приказал приделать колеса и так, на колесах, въехал в Царьград), заставляет греков уплатить ему огромную дань. Мудрый и вещий, он не пьет вина, отравленного греками; наконец, умирает, как и многие другие сказочные герои, неожиданно, в расцвете сил от «вещего» прорицания — от укуса змеи.

Святослав у летописца — прежде всего воин, наделенный необычайной силой и выносливостью. «Ходя воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: Хочю на вы ити...»; он уже в раннем детстве обнаруживает храбрость; он тоже с легкостью, типичной для сказочного героя, побеждает, не встречая никакого сопротивления, вятичей, хозар, касогов, болгар («взя город 80 по Дунаеви»); узнав о том, что печенегии осадили Киев, он «вборзе» садится на коня, неожиданно появляется в Киеве и

прогоняет печенегов обратно в «поле»; он — гроза для греков («за малом бо бе не дошел Царяграда»). Наконец, гибнет он так же, как и многие эпические герои. Смерть его — кара за нарушение закона эпической морали: он матери своей ослушался и пренебрег советом своего старого воеводы Свенелда.

Все летописные сказания этого типа — устно-поэтического происхождения. Но отсюда еще не следует, что все они происхождения народного. Наряду с историческими преданиями, отражающими народное (т. е. широких масс населения Киевской Руси) понимание того или иного исторического события, летописец, несомненно, не раз пользовался в поисках материала для себя и преданиями княжеско-дружинного происхождения и содержания. И этот княжеско-дружинный фольклор в составе «Повести» занимает большое место. Предание о призвании князей-варягов, несомненно, княжеско-дружинного происхождения. Таково же и большинство сказаний, посвященных жизни и деятельности князей Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира.

Изучая летописные сказания, необходимо принимать во внимание не только их художественную форму, но и их содержание, ту точку зрения, с которой они рассматривают и оценивают исторические события. Только такой анализ того или иного летописного сказания, в единстве его содержания и художественной формы, позволит нам раскрыть его действительное происхождение.

Типичный пример княжеско-дружинного исторического предания — летописная биография Олега (рассказ о смерти Олега читается под 912 г.).

Типичные примеры народных преданий — рассказ о юноше-кожемяке (под 992 г.) и рассказ о белгородском киселе (под 997 г.).

Народная тенденция предания о кожемяке легко обнаруживается при анализе его содержания. Ремесленник-кожемяка посрамляет профессиональную дружину князя и спасает Русь от набега печенегов. Он совершает подвиг, которого не мог совершить никто из дружинников князя Владимира.

Признаки устного происхождения летописного сказания о кожемяке очень явственны — это поиски поединщика; затруднение Владимира (Владимир «тужит», что не может противопоставить печенежскому богатырю своего); появление старика, рассказывающего Владимиру о своем меньшем сыне, неказистом на вид, но очень сильном (ср. с Иванушкой-дурачком русских сказок); борьба с исполином, победа меньшего сына и пожалование его.

Об устном происхождении этого сказания говорит и этимология названия города «Переяславль»: он назван так будто бы в честь того, что юноша-кожемяка «перейал славу» у печенежского богатыря в поединке. Событие отнесено летописцем к 992 г. В действительности город этот существовал много раньше: он упоминается уже в договоре русских с греками (907 г.).

«Сказание о кожемяке» в составе «Повести временных лет» свидетельствует о том, что личность князя Владимира уже в XI в. стала центром, вокруг которого начали собираться разного рода предания и легенды.

«Сказание о белгородском киселе» — это типичный народный рассказ об обмане врагов хитростью.

Оба рассказа эти замечательны тем, что и там и тут герой — простой русский человек, своей личной инициативой освобождающий Русскую землю от врагов.

Летописный рассказ прежде всего документален: за немногими исключениями, в нем нет ничего выдуманного, сочиненного, «литературного». Он — прямое отражение реальной действительности. Это рассказ в буквальном смысле этого слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем или со слов очевидца. Как и всякий рассказ очевидца, он нередко отмечен печатью той непосредственности, которая так характерна для рассказа, не претендующего на литературность и преследующего цели простой информации. Своими отчетливыми «сказовыми» интонациями он порою производит впечатление устного рассказа, только слегка «окниженного» в процессе записи: «...Изоимавше є [речь идет о половецких послых] Ярополци посадници на Локне, приведоша є к Ярополку, Ярополчи бо бяху посадници»; «В то же время Изяслав посла Киеву к брату своему Володимиру, того бо бяшетъ остави Изяслав в Киеве...»

Разумеется, перед нами отражение действительности не буквальное. Рассказчик — не фотоаппарат. О том или ином событии он рассказывает так, как он его видел, как его воспринял и понял. Рассказчик — человек своей эпохи, своего общественного положения и своей политической ориентации; все это, естественно, не могло не сказаться на его повествовании: рассказ его всегда более или менее тенденциозен, всегда отражает идеологию того классового окружения, где он составлен и для которого составлен.

Даже сам способ изложения говорит о документальном характере летописного рассказа, и в этом рассказ очень близок погодной записи; как и погодная запись, он всегда строго фактографичен (указывается дата события, обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица), рассказу свойственна протокольная конкретность описаний, суховатая деловитость тона.

Некоторые рассказы в составе, например, Киевской летописи, продолжившей в XII в. «Повесть временных лет», в особенности же рассказы об Изяславе Мстиславиче, часто производят впечатление делового отчета, военного донесения, до такой степени точно и обстоятельно излагают они положение вещей.

Так, рассказ под 1146 г. о походе Изяслава Мстиславича на Путивль и о погроме города в той своей части, где перечисляется захваченная Изяславом добыча, — типичный деловой отчет, не

пренебрегающий даже такой «прозой», как цифровые подсчеты: «...и ту двор Святославль раздели на 4 части, и скотънице, бретьянице, и товар... и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг, и церковь святого Възнесения всю облупиша, съсуды серебряныя, и индитьбе [престольные одежды], и платы служебныя, а все шито золотом, и каделнице две, и кацьи [ручные кадельницы] и еуангелие ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша, и челяди 7 сот».

Или, допустим, рассказ под 1151 г. об обороне Киева; только очевидец, быть может лично принимавший участие в обороне города, озабоченный прежде всего тем, чтобы ничего не пропустить, все отметить, мог так описать это событие; рассказ позволяет с полной отчетливостью представить себе во всех подробностях, как происходило дело: где находились князья, когда началась оборона города; какие меры были приняты ими, чтобы обеспечить ее эффективность; как были распределены силы и пр. Перед нами не столько рассказ, сколько документальный отчет о виденном.

Показательны в этой связи и некоторые мелкие детали событий в рассказах летописца — создателя Киевской летописи: время от времени они попадают в поле его зрения и отмечаются им наряду с остальными фактами, попутно, просто потому, что были ему известны или обратили на себя внимание. Так, например, мы узнаем, что Игорь Ольгович, спасаясь от преследователей, попал в болото «и угрязе под ним конь, и не може ему яти, бе бо ногама болен» («и увяз конь его по брюхо, и не мог Игорь идти, так как ноги у него были больные»); что черниговские князья, когда приехал к ним посол киевского князя Изяслава и потребовал четкого ответа, ничего ему не ответили, только переглянулись и долго молчали; что Андрей Боголюбский, когда пал его любимый конь («комонь»), «жалуя комоньства его», приказал его похоронить с воинскими почестями у реки Стырь; Юрий Долгорукий подошел к Киеву именно в тот момент, когда князь киевский Изяслав Мстиславич и дядя его Вячеслав Владимирович спокойно сели «обедати»; Святослав Ольгович «бе тяжек телом» и, когда вместе со своими союзниками потерпел поражение на Перепетовом поле, очень «трудился бе бежа»; Андрей Боголюбский, когда к нему с позором отправили назад его посла, даже с лица «попуснел» (изменился).

Все эти детали, как они порою ни мелки, — ценнейший материал для историка; они позволяют заглянуть в самую глубь феодального быта XII в., дают возможность в ряде случаев наглядно представить себе ту эпоху.

Одна из наиболее характерных особенностей летописного рассказа — речи действующих лиц повествования. Рассказ иногда целиком состоит из речей, и обмен ими и составляет все содержание его; действующие лица постоянно, по любому поводу обмениваются речами, иногда произносят обширные монологи.

Документален самый язык летописи — ее удивительный словарь, весь насыщенный терминами своего времени, ходячими в феодальной среде XII в. словами и оборотами речи: «заратишася Ольговичи» (т. е. Ольговичи стали воевать), «искали под Ростиславом Смоленска» (хотели отнять Смоленск у Ростислава, княжившего там), «поча ѿ водити подле ся» (подчинили его себе), «исполчишася» (собрали и приготовили войско к бою), «взяша. . . град на щит» (взяли город приступом), «полезоша на кони» (выступили в поход), «еха изъездом на стръя своего» (внезапно напал на дядю своего), «водив и к роте» (заставили его поклясться) и т. д.

Некоторые из этих слов и словосочетаний образны, но образность эта не литературного происхождения: она идет непосредственно от речевой практики XI—XII вв., от живого языка, обычного в княжеско-дружинной среде.

Литературное своеобразие летописного рассказа — в появлении личности автора: здесь (в отличие от погодной записи) он уже отчетливо ощущается, заявляет о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямой характеристикой действующих лиц повествования, в особенности же своей индивидуальной манерой излагать рассказ. Эта манера излагать летописный рассказ здесь не могла не проявиться, так же как проявляется она в любом устном рассказе очевидца: один рассказывает лучше, другой — хуже, один делает это подробнее, другой — суше и короче. Манера эта зависит от памяти летописца, от его внимательности и осведомленности, наконец, просто от его умения рассказывать.

В «Повести временных лет» под 1097 г. читается рассказ об ослеплении Василька Тербовльского. Это одна из самых трагических историй княжеских междоусобиц, описанных летописью, и один из самых ярких летописных рассказов. Автор его стремится точно отобразить мельчайшие подробности фактов, разного рода «реалии», даже самый язык эпохи (манеру говорить, произносить речи). Этот рассказ — один из непревзойденных образцов летописного повествования, которое почти с осязаемой наглядностью дает представление о жизни своего времени.

Как охарактеризовать этот способ, метод отражения действительности? Можно ли сопоставлять такой тип летописного повествования, с его стремлением к точности, фактографичности и даже к натурализму, с реалистическими описаниями литературы нового времени?

В 1949 г. в статье «Киевская летопись как памятник литературы» я пытался дать историко-литературное определение этому способу изображения жизни.¹⁴ Тогда мне казалось, что есть все основания способ этот назвать «реализмом» — правда, реализ-

¹⁴ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 81. [Переиздано в кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 114].

мом особого, «средневекового» типа, еще очень ограниченного в своих возможностях. Теперь я считаю это определение решительно неудачным. И прежде всего потому, что оно основано на ошибочном отождествлении «правдивости» воспроизведения с «реализмом». Между тем совершенно очевидно, что правдивость изображения и реализм — не одно и то же и что отождествлять эти два понятия нельзя; правдивость — свойство, доступное в той или иной степени произведениям любого литературного направления любой эпохи.

Изображение жизни у древнерусского писателя с реализмом нового времени имеет только внешнее сходство, за которым скрывается глубокое внутреннее различие. Изображение жизни в литературе древней во многом даже диаметрально противоположно ее изображению у писателей-реалистов нового времени.

В чем же разница? Древнерусский автор, обращаясь к изображению жизни в ее повседневном течении, воспроизводил, как правило, единичные факты во всей их неповторимой конкретности. Предметом его внимания было не общее, а частное. Фиксируя отдельные факты, с протокольной точностью изображая внешнюю канву событий, он хорошо понимал, что в жизни все явления тесно связаны между собой. И часто эти связи, коренящиеся в самой действительности, он отражал также: вместе с потоком фактов они просачивались в его всегда строго «документальное» изложение; сама действительность подсказывала эти связи, в особенности, когда они лежали на поверхности событий и, следовательно, становились самоочевидными или разносились устной молвой. А так как на поверхности событий лежат обычно не внутренние причины, а ближайшие поводы, то именно эти ближайшие поводы летописец чаще всего и отмечал, — попутно, не углубляясь в специальный анализ данного события или круга событий. Дальше он не шел и, видимо, пойти не мог, скованный как задачами своего изложения, так и ограниченностью собственного знания.

Деловито и обстоятельно излагая все, чему был свидетелем или о чем слышал, он никогда не возвышался до изображения жизненных фактов в их типическом проявлении, что составляет самую душу реалистического искусства. В его способе изображения не обнаруживается признаков творческого переосмысления жизни. Летописец не поднимается до каких-либо обобщений, явно предпочитая идти по линии наименьшего сопротивления — чисто эмпирической констатации единичных фактов в их поверхностной взаимосвязи. Древнерусского автора заботила прежде всего достоверность изображаемого. Конечно, он не всегда ее добивался: подчас ему изменяла память, иногда он сознательно умалчивал о фактах, когда это почему-либо было нужно, иногда тенденциозно искажал факты, когда это диктовалось теми или иными соображениями. Но он редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было. Свое изложение

он часто сопровождал своими комментариями и оценками событий и тем самым заявлял о своем отношении к излагаемому, о своем авторском «я». Но эти оценки и комментарии прямого отношения к самому способу изображения жизни не имели.

Летописная повесть (это термин условный) — повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части.

Во многом похожая на рассказ, повесть отличается от рассказа прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля — агиографического. В повести, как правило, действительность отражается не непосредственно, а предстает перед нами в условных контурах этого условного, абстрактного, антиреалистического по самой своей природе метода, подчиняясь всем его устоявшимся в литературе нормам. И сами события, и человек, и его поведение в повести приобретают новые очертания, далекие от привычной нам по рассказам документальности.

Все повести посвящены одной и той же теме, выросли из погодных записей о смерти какого-либо князя, составленных по строгой схеме: сообщается, когда умер князь, где, в каком именно монастыре или церкви он был погребен; очень часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа.

К погодному известию такого типа стала присоединяться прямая — «от автора» — характеристика покойного князя как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед Русской землей, фактов его деятельности как церковного строителя и даже с кратким описанием его внешнего облика. С присоединением такой характеристики погодная запись о смерти князя отлилась в рассказ особого типа — в некролог (например, Владимира Мономаха).

Обязательная для каждого некролога прямая характеристика покойного князя внесла в повесть первые элементы агиографической стилизации; о ней выразительно говорят эпитеты, которыми теперь как ореолом начинает окружаться имя князя («благоверный», «христолюбивый», «честный», «блаженный», даже «святой» — о Владимире Мономахе), в особенности же — подбор христианских добродетелей, которыми часто без должного чувства меры стал наделяться покойный князь: «братолюбец», «нищелюбец» (Владимир Мономах), «бе украшен всякою добродетелию», «избранник божий» и т. п.

Повесть, как и житие, изображая человека, по возможности стремилась устранить все черты его индивидуального характера;

и герои повести стали напоминать один другого, в сходных обстоятельствах поступать одинаково, произносить одни и те же слова.

Процесс формирования повести как жанра закончился, когда к некрологу стал присоединяться расцвеченный всеми штампами агиографического стиля рассказ о событиях, предшествовавших кончине князя, об обстоятельствах его смерти.

Умирают все герои этих повестей примерно одинаково — так, как того и требовал агиографический «канон». Давид перед смертью, уже совсем больной, приказал вести себя в монастырь Бориса и Глеба, что на Смядыни; здесь он, «воздев руце на небо», стал молиться; почувствовав приближение смерти, он снова стал молиться, за этой молитвой его, с воздетыми к небу руками, и застигла смерть. Так же примерно умирает и Мстислав — тоже с воздетыми к небу руками, вздыхая «из глубины сердца» и проливая слезы. В особенности «умилительно» умирает Ростислав Мстиславич: когда Ростислав почувствовал приближение смерти, он начал молиться; молитва Ростислава приводится автором: вся она построена на риторических обращениях одной и той же структуры, ритмично чередующихся. Закончив молитву, князь посмотрел на икону «самого творца» и, «слезы испущая от зеницю», тихим голосом сказал, цитируя известный евангельский текст: «Ныне отпусти раба своего, владыко, по глаголу твоему с миром». И видны были слезы на щеке, «яко женчужная зерна», когда он произносил последние свои слова. Утерев эти навернувшиеся слезы «убрусцем», князь скончался.

В летописи, если рассматривать ее с точки зрения литературного строя, налицо очевидный разнобой. Однако сказать только это — значит не отметить самого характерного. Характерное же заключается в том, что разнобой этот нередко имеет место даже в пределах одного и того же повествовательного ряда; факты свидетельствуют, что отдельные формы летописного повествования (народное сказание, агиографическая повесть и документальный рассказ) далеко не всегда строго следуют своему методу — в едином и цельном потоке летописного повествования принципы его часто нарушаются: народное сказание может перейти в агиографическую повесть и обратно; в документальный рассказ может ворваться агиография, и, наоборот, в агиографии могут обнаружиться элементы документально точного воспроизведения реальной исторической действительности. Дореалистическая природа летописного повествования ярче всего сказывается именно в этом разнобое, когда скрещиваются противоречивые способы изложения.

Смещение различных литературных манер повествования можно проследить на таких двух рассказах летописи, как рассказ о крещении Ольги (955 г.) и рассказ о единоборстве Мстислава с Редедей (1022 г.).

Рассказ о том, как Ольга в самый патетический момент своей

жизни, вскоре после своего крещения в Царьграде, хитроумным ответом «переключала» греческого царя, — характерный пример такой стилистической «неустойчивости». Перед нами два образа Ольги: народно-поэтический образ мудрой девы сказок и агиографический образ равноапостольной святой. Оба эти образа сосуществуют в рамках одного рассказа, и летописец не чувствует их противоречия.

Летописное сказание о единоборстве Мстислава Тмутараканского с «великаном» Редедей, князем касожским, — устно-поэтического происхождения, это былина или песня, записанная летописцем. Но в составе летописи это сказание стилистически противоречиво, здесь смешивается батально-эпический план и агиографический (удаль Мстислава и молитва его богородице).

Иконописного Владимира — равноапостольного крестителя Руси — тоже вытеснял у летописца, и не раз, его двойник: былинный, ласковый князь Владимир, например в рассказе о нашествии печенегов на Русь в 996 г. Владимир здесь, уже после крещения, выступает в типично былинной ситуации. Он так же пугается печенегов («подбег стал под мостом, одва укрыся противных»), как и его былинный двойник, когда напал на него Калин-царь:

... И тут-то солнышко Владимир князь приужахнулся,
Резвы ноженьки подломилися,
Царски ручки приопали об себя...
Князь Владимир порасплакался...¹⁵

Совмещение разных стилистических систем в рамках одного произведения вообще возможно в древнерусской литературе. В этом случае человек в изображении древнерусского писателя приобретал многосоставный облик, он как бы складывался из «кусков» различной стилистической расцветки. Типичным примером такого «сводного» образа может служить Александр Невский в изображении его древнего жития — он предстает перед нами то в облике военачальника, доблестного витязя, то в облике иконописного святого. С точки зрения нашего эстетического сознания такой «сводный» образ может показаться внутренне противоречивым, а его составные части — несовместимыми. Эта противоречивость, однако, древнерусского писателя и читателя, надо полагать, никогда не смущала, все эти разные аспекты облика героя сосуществуют одновременно под пером автора.¹⁶

¹⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II. Изд. 2-е. М., 1910, стр. 305; см. там же, т. I. М., 1909, стр. 265.

¹⁶ Издание текста: Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста. Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950 (серия «Литературные памятники»); ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950; Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков, стр. 1—146 (пер. Д. С. Лихачева). [См.: И. П. Еремин: 1) Повесть временных лет как памятник литературы. — В его кн.: Литература древней Руси, стр. 42—97; 2) Киевская летопись как памятник литературы. — Там же, стр. 98—131].

КРАСНОРЕЧИЕ

Мы рассмотрели с вами древнейшие жития, древнейшую летопись («Повесть временных лет»). На очереди последний раздел литературы Киевской Руси XI—XII вв. — красноречие (имею в виду речи, называвшиеся у нас в старину «поучениями» и «словами»).

Красноречие — область творчества, характерная для древнейшего периода развития нашей литературы. «Золотой век» древнерусского красноречия — XII век, уже в XIII—XIV вв. этот род литературы приходит в упадок и скоро почти совершенно исчезает из литературного обихода; в конце XVII и в начале XVIII в., в Петровскую эпоху, были попытки возродить этот род творчества — вспомним деятельность С. Яворского, Г. Бужинского, Ф. Прокоповича, но попытки эти прочного результата не дали: временный расцвет красноречия сменился полным и на этот раз окончательным упадком его; уже во второй половине XVIII в. красноречие замыкается в узкой сфере церковной проповеди, надолго, если не навсегда, покидая литературу. В XI—XII вв. перед нами иная картина: красноречие занимает одно из первых мест в литературе; ораторские жанры — ведущие жанры в литературном обиходе; полной жизнью живет и развивается красноречие не только церковное, но и светское.

Все дошедшие до нас памятники церковного и светского красноречия Киевской Руси по содержанию своему и по форме четко делятся на два разряда: памятники красноречия *дидактического* и памятники красноречия (пользуясь терминами античной риторики) *эпидиктического* (торжественного). Оба разряда резко отличаются друг от друга не только по содержанию и форме, но и по объему, даже по языку.

Красноречие дидактическое не предъявляло к автору каких-либо особых требований: это область, доступная в той или иной степени всем, кто владел пером или хотя бы минимальным даром речи. Красноречие дидактическое обычно преследовало чисто практические цели непосредственного назидания, информации, полемики. В литературном обиходе древней Руси произведения этого типа обычно обозначались терминами «поучение» или «беседа»; оба термина удачно характеризуют природу памятников красноречия этого типа — в какой-то степени даже их содержание. Поучения или беседы обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались или произносились на общедоступном, почти живом, разговорном древнерусском языке.

Совсем иное дело красноречие эпидиктическое, или торжественное. Этот род красноречия был доступен далеко не каждому: он требовал не только глубины содержания, но прежде всего выучки, большого профессионального мастерства, незаурядной литературной культуры. Эпидиктическое красноречие никогда не

ставило себе узкопрактических задач — непосредственного назидания, информации или полемики по какому-либо небольшому частному, злободневному вопросу; сфера торжественного красноречия — сфера больших проблем широкого общественно-политического охвата, если не проблем, то патетической лирики. Древнерусские книжники хорошо различали этот тип красноречия; в отличие от поучений и бесед произведения этого рода они обозначали обычно термином «слово» (λόγος). Составлялось «слово» в строгом соответствии с «правилами», установленными литературной традицией — многовековым опытом византийского и античного эпидиктического красноречия; все здесь: композиция, стилистика, даже язык — предмет тщательной работы, шлифовки, широкое поле для творческой изобретательности или для сильного подражания классическим образцам.

Дидактическое красноречие — литературное ремесло, эпидиктическое красноречие — искусство.

УЧИТЕЛЬНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Свой обзор памятников красноречия Киевской Руси, дошедших до нас, начну с красноречия дидактического, церковного и светского.

«Поучение к братии» Луки Жидяпы

О жизни и деятельности автора «Поучения к братии» нам известно следующее. Знатный новгородец Лука Жидята в 1036 г. по желанию киевского князя Ярослава был поставлен новгородским епископом. Новгородскую кафедру Лука занимал 23 года. В 1055 г. один из холопов Луки оклеветал его перед митрополитом. Лука был вызван в Киев, осужден и подвергнут заточению, в котором пробыл три года. Какие причины побудили митрополита так сурово поступить с новгородским епископом — неизвестно. Митрополитом был тогда Ефрем, грек по национальности. Очень возможно, что Лука имел неосторожность открыто высказаться против его назначения в 1054 г. на митрополичью кафедру и за это поплатился. В 1058 г. Лука не только получил свободу, но и вернул себе епископскую кафедру в Новгороде — то ли потому, что ему удалось доказать несправедливость возведенных на него обвинений, то ли потому, что к этому времени умер его враг, митрополит Ефрем. Вернувшись в Новгород, Лука примерно наказал оклеветавшего его холопа Дудицу. «Дудици же холопу, — сообщает летописец, — оскомина беша: урезаша ему носа и руце отсекоша, и сбеже в немци». Умер Лука 15 октября 1060 или 1061 г.